

Marzena KOZYRAInstytut Filologii Słowiańskiej
Katolicki Uniwersytet Lubelski**ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ РЕЛИГИОЗНОЙ ЛЕКСИКИ
В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА РОМАНА
МАСТЕР И МАРГАРИТА М. БУЛГАКОВА****Ключевые слова:** перевод, религиозная лексика, адаптация, экзотизация

Мастерство Михаила Булгакова издавна привлекало внимание как литературоведов, так и широких кругов обычных читателей, доказательством чего являются многочисленные переводы его произведений. Преследуя задачу изложить и тщательно описать примеры использования разных переводческих способов и стратегий перевода религиозной лексики в романе *Мастер и Маргарита*, предварительно следует в нескольких словах определить, какой смысл вкладывается в само понятие *религиозной лексики*, когда в оригинальном тексте применяется лексика религиозного характера, характеристике каких мотивов и явлений она служит, а также – как она соотносится с творческой манерой М. Булгакова, нашедшей своё выражение в вышеупомянутом шедевре русской литературы.

Отметим, что большинство как польских, так и русских языковедов по поводу интерпретации термина *религиозная лексика* придерживаются таких же или очень сходных точек зрения. Так, польский исследователь К. Рутковский воспринимает религиозную лексику в качестве особого лексического пласта, функционирующего в пределах религиозного языка, который используется при отправлении религиозного культа. Притом, по его мнению, религиозная лексика вербальным образом отражает культуру данного вероисповедания (Rutkowski 2007: 9). Из такой же предпосылки исходит К. Тимофеев, выдвигающий тезис, согласно которому лексический состав религиозного языка охватывает те единицы, которые передают признаки религиозного миропонимания, христианской морали, т.е. выражают взгляды

ды людей, исповедующих христианскую веру (Тимофеев 2001: 88). Наряду с этим многие учёные акцентируют тот факт, что фонд религиозной лексики включает как официальные наименования данных понятий и явлений, связанные с высоким стилем, так и лексические средства, применяемые в обыденной, разговорной речи (Rutkowski 2007; Скляревская 2012; Wideł Ignaszczak 2010). Значит, лексика религиозного характера не превратилась в замкнутую систему, не образовала, понимаемой в строгом смысле слова, терминологии, как это наблюдается в случае других областей культуры. В связи с тем выражения, причисляемые к пласту христианской лексики и обладающие разной степенью проявления компонента сакральности, обуславливают, как констатирует М. Видел-Игнашчак, отсутствие возможности чёткого и прозрачного разделения лексических средств в зависимости от их принадлежности к сакральной или светской сфере (Wideł Ignaszczak 2010: 35). Ко всему сказанному следует добавить, что польский исследователь Р. Левицкий предлагает выделение трёх главных сфер использования лексического состава религиозной разновидности языка: 1) тексты специального характера, которым свойственно религиозное направление, в том числе теологические и литургические произведения; 2) художественная литература; 3) спонтанная, разговорная речь (Lewicki 2002: 7–8). В плане наших исследований, нацеливающих на наиболее полную передачу значений единиц религиозного языка, особенный интерес представляет именно область художественных текстов.

Данная статья имеет целью дать общую характеристику переводческих приёмов и стратегий, используемых для перенесения в другую языковую среду тех лексических средств, которые обслуживают сферу религии, а содержатся на страницах известного романа М. Булгакова *Мастер и Маргарита*. В ходе наших исследований мы учитывали два перевода этого произведения на польский язык. Мы опирались на перевод, выполненный И. Левандовской и В. Домбровским в 1969 году, а также на новейшую переводную версию А. Дравича из 1995 года. Сосредоточение внимания на указанной проблеме мотивируется тем, что передача религиозной лексики, представляющей собой главный компонент религиозного языка, часто становится источником серьёзных переводческих трудностей, тем более интересным кажется анализ избираемых переводчиками в этом плане методов. Не остаётся без влияния и тот факт, что применение элементов лексической системы религиозного языка относительно художественного произведения, которое ведь нельзя причислить к *stricte* религиозной литературе, требует от переводчика совсем иного подхода, по сравнению с переводом сакральных текстов. Наконец, важно и то обстоятельство, что в булгаковском романе лексикой религиозного языка изобилуют, главным образом, так называемые *пилатовы главы*, имеющие универсальный характер и отображаю-

щие смысловую глубину произведения. Затем употребление при переводе конкретных переводческих техник и стратегий может заметным образом повлиять на такой или иной способ их осмысления читателями перевода. Сопоставление разных версий переведённых текстов позволит, в свою очередь, выявить, каким образом разные переводчики передавали в тексте на переводящем языке слова и выражения, относящиеся к сфере религии, и какие в этом плане последовали изменения на протяжении нескольких десятилетий.

Как уже указывалось выше, что касается романа *Мастер и Маргарита* о религиозном содержании можно говорить, прежде всего, применительно к выделенным его отрывкам, часто называемым *пилатовыми главами*. Помимо же упомянутой части, изображающей осуждение и казнь Иешуа Га-Ноцри, религиозные мотивы прослеживаются также в отношении появившихся в Москве Воланда и его свиты, а намёки на *Священное Писание* или на компоненты христианского вероучения нередко присутствуют и в повествовании писателя о событиях, происходящих в Москве 30-х годов. Но там они не проявляются с той особенной яркостью, которая как раз свойственна описаниям библейских сцен, поэтому и словесная форма их выражения не является центром нашего внимания в дальнейшей части настоящей статьи.

Существенно подчеркнуть, что библейские реалии, изложенные в рамках *пилатовых глав*, представляют собой компоненты так называемой *третьей культуры*. Таким образом, религиозная, а точнее говоря, библейская лексика, изображающая взаимоотношения бродячего философа Иешуы, прообраз которого усматривается в Иисусе Христе и отправившего его на казнь Понтия Пилата, относится к таким явлениям и событиям, которые „генетически связаны с другой культурной областью (конкретной или более общей), чем культура оригинала и культура перевода, но денотаты и/ или понятия которых могут существовать в культуре оригинала и/ или в культуре перевода” (Mosaqz 2011: 76). Хотя можно заметить, что римско-библейские реалии наверное более известны конечным получателям, поскольку традиции латинского культурного круга в какой-то степени связаны с польской культурой. Данный фактор, относящийся к различиям в объёме фоновых знаний первичных и вторичных получателей, также может определённым образом сказываться на осуществляемых переводчиком при переводе операциях, а в результате и на языковом облике переводного текста.

Задаваясь целью изложить характеристику примеров использования конкретных переводческих действий, обусловленных избранной переводческой стратегией и направленных на передачу смысла религиозных выражений на страницах романа *Мастер и Маргарита*, предварительно необходимо остановиться также на проблеме понятия *переводческой стратегии*.

Имея в виду определённые расхождения во взглядах по поводу истолкования данного понятия разными исследователями, мы опираемся на трактовку термина *переводческая стратегия*, предложенную В. Базылевым. Так, учёный исходит из того, что переводческая стратегия обозначает порядок и суть действий, совершаемых переводчиком в процессе перевода конкретного текста (Базылев 2013: 70). Подобную же точку зрения разделяет И. Алексеева, которая, подразумевая под понятием *переводческой стратегии* сознательно избранный переводчиком алгоритм его действий, отмечает, что эти действия могут относиться как к процессу перевода одного текста, так и к целой группе текстов. Кроме того, исследовательница формулирует и более конкретное, уточняющее определение переводческой стратегии, суть которой сводится к восприятию этого понятия в качестве „осознанно выработанного переводчиком в ходе экспертной коммуникативной деятельности алгоритма его действий, направленных на создание продукта – текста перевода, с обязательным учётом профессиональной этики переводчика” (Алексеева 2008: 148). Здесь важно отметить, что вопроса целенаправленности переводческого процесса, устанавливающего выбор переводчиком данной переводческой стратегии, касался и Н. Гарбовский, который констатирует, что предпочтение переводчиком одной из её разновидностей всегда определяется целью совершаемого перевода (Гарбовский 2007: 132).

В дальнейшем нам понадобится уделить внимание двум её разновидностям, т.е. стратегии адаптации и стратегии экзотизации, а также конкретным переводческим приёмам, способствующим реализации указанных переводческих стратегий. Итак, ссылаясь на тезисы, выдвинутые Р. Левицким, получается, что экзотизирующая переводческая стратегия привносит в переводной текст элементы нетипичные с точки зрения структуры или узуса переводящего языка. Тем самым, экзотизация конечного текста влечёт за собой появление в нём определённых компонентов, которые получатель перевода признаёт необычными, незнакомыми и которые вызывают в его сознании ассоциации с другими странами, с чужими культурами или с иностранными языками. Они порождают коннотацию чужого (Lewicki 2000: 144). Другими словами, в концепции учёного экзотизация предстаёт как процедура, направленная на стратегический ввод в текст перевода эффекта чуждости. К конкретным переводческим приёмам, нацеливающим на достижение переводческой стратегии экзотизации, согласно интерпретации М. Моцаж, причисляются (Mocarz 2011: 129–132):

– Транскрипция – чаще всего используется применительно к антропонимам и топонимам, особенно в тех случаях, когда данные имена собственные не обладают зафиксированными эквивалентами на переводящем языке. Кроме того, в настоящее время транскрипция признаётся чаще всего применяемым переводческим методом в ситуации, при ко-

торой неизбежной становится замена алфавита. Её суть сводится к воспроизведению звуковой формы иностранного слова или выражения на языке перевода;

- Транскрипция, сопровождаемая оригинальной формой данной лексемы или словосочетания – данный способ перевода имён собственных имеет целью максимально облегчить приём конкретной единицы перевода, причём он чаще всего обуславливается функциональным характером переводимых текстов;
- Перевод апеллятивов – т.е. перевод имён нарицательных, являющихся постоянным компонентом сложной структуры данного имени собственного или представляющих собой его минимальную экспликацию, а иногда функционирующих в качестве самостоятельных номинативных единиц. Такие единицы перевода часто проявляют высокую степень экзотизации на культурном уровне. Перевод апеллятивов выполняется путём использования уже зафиксированных в языке перевода соответствующих эквивалентов, помещённых как в специальных словарях, так и в словарях общего характера¹.

Существенно подчеркнуть, что представленный список совсем оправданно может пополниться ещё иными переводческими приёмами, также ориентированными на реализацию экзотизирующей переводческой стратегии, к которым Р. Левицкий относит (Lewicki 2000: 145–146): перифраз, состоящий в применении при образовании компонента переведённого текста корней наименований исходного текста, представляющих собой носителей коннотации чужого; *полутранскрипцию*, применяемую при переводе сложных слов, суть которой сводится к транскрипции одного корня исходного элемента и к замене другого определённым корнем, принадлежащим уже к данной лексеме переводящего языка; а также транскрипцию с добавленным примечанием, заключающуюся в воссоздании звуковой формы иностранного слова или выражения на языке перевода, при которой форма снабжается примечанием, объясняющим денотативный компонент значения определённого названия.

Переводческая стратегия адаптации, напротив, лишает новосозданный текст носителей чуждости и нацеливает на предельное приближение содержания оригинала к культурным реалиям воспринимающей среды языка перевода. В концепции Н. Гарбовского адаптирующая переводческая стратегия обозначает: „такой вид преобразования, в результате которого происходит не только изменение в описании той или иной предметной ситуации,

¹ Учёная выявляет также четвёртый способ экзотизирующего перевода, т.е. транслочацию имён собственных, однако лишь в отношении единиц немецкоязычных текстов, поэтому данный приём не учитывался в нашей классификации.

но и заменяется сама предметная ситуация” (Гарбовский 2007: 403). Причём исследователь поясняет, что адаптация переводного текста имеет целью вызвать определённый переводчиком коммуникативный эффект. Из этого вытекает, что способствующие её достижению переводческие операции обеспечивают прагматическую эквивалентность перевода относительно исходного текста. Переводческая стратегия адаптации устраняет межкультурные расхождения, облегчает приём и осмысление переводного текста, однако, с другой стороны, в то же время она в какой-то степени извращает представления вторичных читателей о чужой культуре. Иначе говоря, использование приёмов, направленных на достижение адаптации перевода, довольно часто „создаёт ложное представление о том, что везде всё так же”, как в культуре носителей переводящего языка (там же). К адаптирующим переводческим операциям, по убеждению Р. Левицкого, относятся (Lewicki 2000: 149–150):

- Генерализация (гиперонимическая трансформация) – состоит в использовании в тексте перевода наименований с более широким семантическим объёмом. Сверх того, операция генерализации, довольно часто преследующая стилистические цели, снимает дифференциальные признаки описываемых исходных явлений и таким образом приводит к нивелировке национального колорита подлинника;
- Приближённый перевод – представляет собой такой способ перевода, продуктом которого становится определённая единица вторичного текста, т.е. определённое название, которому, по сравнению с соответствующим компонентом оригинального текста, свойствен приближённый объём денотативного значения. Значит, новообразованная лексическая единица только частично совпадает по значению с элементом исходного текста. Такое совпадение позволяет передать представление о выражаемом последнем понятии;
- Перифраз (перифрастический перевод) – является такой переводческой операцией, которая способна вызывать как экзотизацию, так и адаптацию переведённого текста, а её суть сводится к развёрнутой, описательной передаче содержания определённого слова или выражения в другой форме и при помощи других лексических средств;
- Опускание – данный переводческий приём заключается в отказе переводчика от перевода и опускании определённого компонента, или даже отрывка исходного текста, причём иногда применяется во избежание непреодолимых переводческих трудностей.

В контексте практической части анализа перевода религиозной лексики, изложенной в дальнейшей части настоящей статьи, стоит уточнить, что А. Швейцер к адаптирующим переводческим методам относит также такие операции, как: подбор при переводе соответствующего словарного эквива-

лента, использование которого обуславливается наличием в словарном составе переводящего языка лексического соответствия и который иногда сопровождается переводческим примечанием или иной формой пояснения; выбор соответствующих культурных аналогов, предполагающий ввод в переводной текст контекстуального аналога, т.е. такой лексической единицы, которая занимает в лексической системе языка перевода иное место, чем соответствующая ей исходная языковая единица в языке оригинала и отличается от последней рядом признаков, но которая вместе с тем выполняет такую же функциональную роль; поясняющий перевод или поясняющее добавление, использование которых часто обуславливается разным объёмом имеющихся у первичных и вторичных читателей фоновых знаний и которые часто состоят в развёртывании сокращённого обозначения конкретной реалии (Швейцер 1988: 153–156).

Нижеследующая часть данной статьи имеет целью привести конкретные примеры использования переводчиками разных приёмов, способствующих достижению экзотизирующей или адаптирующей стратегий перевода. Нашему рассмотрению не будут подвергаться определённые способы перевода, о которых упоминалось раньше. Мы, главным образом, сосредоточим внимание на том, какой является частотность их применения конкретными переводчиками и реализации какой стратегии перевода они способствуют, конечно, если анализируемый нами материал вообще позволит нам выдвинуть тезисы о выборе при переводе данной переводческой стратегии. Сделанное замечание является особенно важным, так как не всегда используемые переводчиком в рамках одного переводимого текста приёмы и техники настолько последовательны, чтобы можно было говорить о его целесообразном выборе при переводе одной из двух стратегий перевода.

Кроме того, надо уточнить, что изложенный в нижеприведённых таблицах практический материал опирается лишь на избранные компоненты религиозной лексики, которые обнаружили нами в ходе анализа трёх, признанных одними из наиболее репрезентативных по частотности проявления упомянутого лексического слоя, *тилатовых глав*, а также их переводов на польский язык. Наше решение, по крайней мере, мотивируется ограниченными рамками данной статьи. Тщательное изучение же всех лексических средств, отображающих религиозную сферу человеческой жизни, а содержащихся также в рамках московской сюжетной линии булгаковского романа, постоянно предстаёт в качестве важной и ещё невыполненной задачи, требующей особенно осторожного и вдумчивого подхода исследователей.

Так, в результате исследования трёх выделенных нами глав романа, нам удалось выявить 51 языковую единицу, причисляемую к христианской лексике. Причём стоит отметить, что среди полученного нами набора лексиче-

ских единиц религиозного языка мы считали уместным выделить имена собственные, т.е. антропонимы и топонимы, которые подчёркивают индивидуальность черт называемых объектов (см. таблицы номер 1 и номер 3), а также отдельно сгруппировать имена нарицательные, характеризующие целые группы однотипных предметов или явлений (см. таблицы номер 2 и номер 4). Что же касается самого перевода указанных лексических средств, относящихся к так называемой *третьей культуре*, надо ещё раз подчеркнуть, что мы остановились на двух переводах, осуществлённых соответственно в 1969 и 1995 годах.

Таблица номер 1.

«Мастер и Маргарита»	I. Lewandowska, W. Dąbrowski
1. прокуратор Иудеи Понтий Пилат	procurator Judei Poncjusz Piłat
2. Ирод Великий	Herod Wielki
3. Ершалаим	Jeruzalaim
4. Галилея	Galilea
5. Иешуа Га-Ноцри	Jeszua Ha-Nocri
6. Левий Матвей	Mateusz Lewita
7. Дисмас	Dismas
8. Гестас	Gestas
9. Вар-равван	Bar Rabban
10. Кесария Стратонова на Средиземном море	Caesarea Stratonica nad Morzem Śródziemnym
11. Иуда из Кириафа	Juda z Kiriatu
12. Лысая Гора	Naga Góra
13. первосвященник иудейский Иосиф Каифа	arcykaplan judejski, Józef Kajfasz
14. Каифа	Kajfasz
15. Пилат Понтийский, всадник Золотое Копьё	Piłat z Pontu, Jeździec Złotej Włóczni
16. Яффа	Jafa
17. Вифлеем	Betlejem
18. Вифания под Ершалаимом	Betania pod Jeruzalaim
19. Иешуа	Jeszua
20. Лысый Череп	Łysa Czaszka
21. Ирод	Herod
22. Иудея	Judea

Таблица номер 2.

«Мастер и Маргарита»	I. Lewandowska, W. Dąbrowski
1. ершалаимский храм	jeruzalaimska świątynia
2. повешение на столбах	rozpięcie na słupach
3. процессия	procesja
4. столбы с казнимыми	słupy z ukrzyżowanymi

5. чёрный бог	Bóg nieprawości
6. курильницы храма	ofiarne ołtarze świątyni
7. всемогущий бог	wszchemogący
8. повешенный	ukrzyżowany

Как доказывают примеры, выделенные жирным шрифтом, И. Левандовская и В. Домбровский посредством использованных переводческих приёмов реализуют стратегию адаптации, нацеливающую на максимальное приближение данных отрывков подлинника к инокультурному, т.е. польскому получателю. Выбор же адаптирующей переводческой стратегии особенно ярко проявляется при передаче переводчиками имён собственных, характеризующих евангельских персонажей, сводящейся к подбору соответствующих словарных эквивалентов, прочно закреплённых в польской культуре (например: *procurator Judei Poncjusz Pilat, Jeruzalaim, Galilea, Mateusz Lewita, Dismas, Gestas, Bar Rabban, Juda z Kiriatu, Naga Góra, arcykapłan judejski, Józef Kajfasz, Kajfasz, Pilat z Pontu, Jeździec Złotej Włóczni, Jafa, Betlejem, Betania pod Jeruzalaim, Judea*). Однако явление адаптации *пилатовых глав* находит своё выражение также в случае передачи при помощи конкретных эквивалентов наименований римско-библейских реалий (например: *procesja, słupy z ukrzyżowanymi, ukrzyżowany*) или при введении в текст перевода элементов *третьей культуры*, т.е. латинских выражений или названий определённых реалий в их латинской форме (например: *procurator Judei Poncjusz Pilat, Caesarea Stratonica nad Morzem Śródziemnym*), которые, отсутствуя в тексте оригинала, усиливают достоверность представленного библейского сюжета, а также существенным образом сказываются на его восприятии польскими читателями, в определённой степени ознакомленными с традициями латинской культуры. Здесь очень уместно было бы упомянуть также о том, что переводческая ориентация И. Левандовской и В. Домбровского на адаптацию относится только к *пилатовым главам*, так как она, по замечанию Д. Урбанек, намечает читателям конкретную интерпретацию отмеченных глав, подчёркивает их литературную универсальность, в то время как в отношении перевода других отрывков романа *Мастер и Маргарита* скорее можно бы говорить о применении переводческих операций, способствующих достижению стратегии экзотизации, что находит своё подтверждение, например, при анализе перевода московского сюжета (ср. Urbanek 2004: 168-170).

Таблица номер 3.

«Мастер и Маргарита»	A. Drawicz
1. прокуратор Иудеи Понтий Пилат	namiestnik Judei Poncjusz Piłat
2. Ирод Великий	Herod Wielki
3. Ершалаим	Jeruzalajim
4. Галилея	Galilea

5. Иешуа Га-Ноцри	Jeszua Ha-Nocri
6. Левий Матвей	Mateusz Lewi
7. Дисмас	Dismas
8. Гестас	Gestas
9. Вар-равван	Bar-Rabban
10. Кесария Стратонова на Средиземном море	Cezarea Palestyńska nad Morzem Śródziemnym
11. Иуда из Кириафа	Juda z Kerijoth
12. Лысая Гора	Łysa Góra
13. первосвященник иудейский Иосиф Каифа	judejski arcykapłan Józef Kajafa
14. Каифа	Kajafa
15. Пилат Понтийский, всадник Золотое Копьё	Pilat Poncki, Rycerz Złotej Włóczni
16. Яффа	Jaffa
17. Вифлеем	Betlejem
18. Вифания под Ершалаимом	Betania pod Jeruzalajim
19. Иешуа	Jeszua
20. Лысый Череп	Łysa Czaszka
21. Ирод	Herod
22. Иудея	Judea

Таблица номер 4.

«Мастер и Маргарита»	A. Drawicz
1. ершалаимский храм	jeruzalajimska świątynia
2. повешение на столбах	powieszenie na słupach
3. процессия	pochód
4. столбы с казнимыми	słupy ze skazańcami
5. чёрный бог	Bóg ciemności
6. курильницы храма	świątynne kadzielnice
7. всемогущий бог	Bóg wszechmogący
8. повешенный	powieszony

А. Дравич, в свою очередь, в ходе реализации процесса перевода некоторых отрывков булгаковского романа, т.е. *пилатовых глав*, несомненно, отдаёт предпочтение переводческой стратегии экзотизации, что доказывают отмеченные жирным шрифтом антропонимы и топонимы. Экзотизация созданного им текста проявляется, преимущественно, посредством введения оригинальных гебрайских форм имён собственных или форм, претерпевших определённые фонетические или морфологические изменения, а вследствие того – в некоторой степени напоминающих компоненты словарного состава польского языка (например: *Jeruzalajim*, *Mateusz Lewi*, *Juda z Kerijoth*, *judejski arcykapłan Józef Kajafa*, *Kajafa*, *Jaffa*, *Betania pod Jeruzalajim*), называющих библейских персонажей. Сверх того, о явлении экзотизации переведённого текста, однако относящейся уже не к *третьей*

культуре, а к культуре оригинала, можно говорить применительно к использованию А. Дравичем свойственных именно русскому языку норм сочетаемости слов (например: *Pilat Poncki, Rycerz Złotej Włóczni*). Причём здесь стоит обратить внимание на тот факт, что введение в текст перевода данных лексических единиц, выполняющих роль носителей коннотации чужого, хотя и имеющее сильную мотивировку в новейших переводческих тенденциях, всё-таки усложняет процесс приёма переведённого текста. Более того, как вполне обоснованно констатирует цитируемая выше Д. Урбанек, упомянутые переводческие действия, а особенно применение для описания евангельских событий элементов, иногда в модифицированном виде, лексической системы ивритского языка, придают *пилатовым главам* чисто реалистические черты, что как раз ослабляет силу проявления заключённого в них универсального смысла (Urbanek 2004: 168–170). Существенно также подчеркнуть, что, учитывая перевод целого произведения *Мастер и Маргарита*, А. Дравич не ограничивается только экзотизирующими переводческими приёмами и, в противоположность характеризуемым выше переводчикам, использует переводческие операции, вызывающие адаптацию переводного текста, относительно к описанию московских реалий, посредством чего и предлагает читателям конкретную иерархию восприятия и интерпретации отдельных сюжетных линий (Urbanek 2002: 67).

Завершая рассмотрение вопроса переводческих способов и стратегий, служащих для перенесения на другую языковую почву лексем и выражений религиозного характера, обнаруженных на страницах романа *Мастер и Маргарита* М. Булгакова, важно отметить, что вышеизложенный практический анализ вполне обоснованно может послужить доказательством растущей популярности экзотизирующих переводческих приёмов. Однако следует учесть, что переводческое решение ввести в переводной текст носителей коннотации чужого, в какой-то степени усложнить его восприятие, но одновременно и ознакомить читателей вторичного текста с элементами культуры других культурных сообществ мотивируется не только личными пристрастиями переводчика или его специфической манерой изложения, но и актуальной социально-культурной обстановкой. Так, на выбор переводчиками экзотизирующей стратегии перевода в отношении переводимого текста или отдельных его отрывков, несомненно, накладывают свой отпечаток также последствия наблюдаемых с конца XX века глобалистских процессов, в том числе усиление межкультурной коммуникации и универсализация данных культурных явлений.

Библиография

- Алексеева И. С., 2008, *Текст и перевод. Вопросы теории*, Москва.
Базылев В. Н., 2013, *Дидактика перевода. Учебное пособие*, Москва.
Гарбовский Н. К., 2007, *Теория перевода*, Москва.

- Скляревская Г. Н., 2012, *Лексика православия в современном русском языке: опыт лексикологического анализа и лексикографического описания*, „Вестник Санкт-Петербургского государственного университета”, № 24, с. 36–40.
- Тимофеев К. А., 2001, *Религиозная лексика русского языка как выражение христианского мировоззрения*, Новосибирск.
- Швейцер А. Д., 1988, *Теория перевода. Статус. Проблемы. Аспекты*, Москва.
- Lewicki R., 2000, *Obcość w odbiorze przekładu*, Lublin.
- Lewicki R., 2002, *Chrześcijaństwo. Słownik rosyjsko-polski*, Warszawa.
- Mocarz M., 2011, *Interkulturowość w przewodniku turystycznym. Studium o odbiorze inności w przekładzie*, Lublin.
- Rutkowski K., 2007, *Leksyka konfesyjna w języku rosyjskim okresu radzieckiego*, Białystok.
- Urbanek D., 2002, *Elementy trzeciej kultury w procesie przekładu [w:] Przekład. Język. Kultura*, red. R. Lewicki, Lublin, s. 61–69.
- Urbanek D., 2004, *Pęknięte lustro. Tendencje w teorii i praktyce przekładu na tle myśli humanistycznej*, Warszawa.
- Widel-Ignaszczak M., 2010, *Polska i rosyjska leksyka religijna w aspekcie translatorycznym [w:] Językowy obraz świata Słowian a kultura*, tom II, red. O. Tiszczenko, Lublin–Równe, s. 35–40.

CONDITIONING OF TRANSLATION CHOICES CONCERNING RELIGIOUS TERMINOLOGY IN THE NOVEL *THE MASTER AND MARGARITA* BY MIKHAIL BULGAKOV

Summary

The paper concerns the problems connected with the translation from Russian into Polish of elements of religious terminology included in the novel by M. Bulgakov *The Master and Margarita*. We will concentrate on the terminology relating to the religious motif. The basic point under consideration is the description of various translation techniques aimed at the realization of strategies of adaptation or foreignization, which are used in the translation of religious terminology by I. Lewandowska and W. Dąbrowski in 1969, and by A. Drawicz in 1995. The conducted analysis has proved that in the first of the translations the authors conducted a clear adaptation of the fragments concerning the motif related to Gospels. This method underlines the universal character of parts of the novel. In contrast, the latter translation by A. Drawicz is a result of adopting by the translator of the foreignizing stance, and as a result the motif lost its metaphysical features.

Key words: translation, religious terminology, adaptation, foreignization